

Слипшаяся на ладони Люй Бувэя кровь казалась нестерпимо горячей, словно грозила прожечь кожу.

Ошеломленный собственной реакцией, он в ужасе отшатнулся. Подол длинного халата запутался под ногами, и Люй Бувэй тяжело рухнул на пол, окончательно опрокинув пиалу с отрезвляющим отваром. Не разбирая дороги, он буквально вылетел из комнаты.

С мертвенно-бледным лицом он метался по саду, и во взоре его сквозила такая лютая злоба, словно он был выходцем из глубин преисподней. Судорожно хватая ртом воздух, он кружил по двору, ускоряя шаг с каждым витком.

Внезапно замерев, он с размаху ударил кулаком по шершавому стволу дерева. Острая боль пронзила костяшки пальцев, но вместе с ней удушливая тяжесть, терзавшая его грудь, наконец отступила.

На губах Люй Бувэя проступила горькая усмешка. Он покачал головой и, едва волоча ноги, побрел обратно в свои покои.

Тем временем Люйцяо, осторожно высунувшись, оглядела двор. Убедившись, что все тихо, она бесшумно выдохнула, прижала ладонь к испуганно бьющемуся сердцу и, бережно приподняв подол платья, перешагнула через порог. Поняв, что подле Цинь Цзычу никого нет, служанка предвкушающе облизнула пересохшие губы, а ее глаза лихорадочно блеснули.

Тихо, одну за другой, она прикрыла створки дверей и окон, после чего опустилась на колени перед ложем принца.

— Молодой господин... Господин, вы спите? — вкрадчиво прошептала она.

Тонкий женский голос прозвучал в ночной тишине слишком резко. Цинь Цзычу недовольно поморщился, хрипло и тяжело застонал и, пытаясь укрыться от навязчивого звука, с головой завернулся в простыню, согнувшись калачиком.

Люйцяо застыла, ее кокетливая улыбка тут же увяла. Глядя на этот плотный кокон, из-под которого не виднелось ни единого просвета, она растерялась. Ей до смерти хотелось разыграть сцену безумной страсти, разгоряченной вином, но для этого требовалось хоть какое-то участие самого принца. Тот же закутался так плотно, что не оставил ей даже крохотного лоскутка. Что же ей теперь, раздеться донага и дрожать всю ночь на полу рядом с постелью, а наутро зайтись фальшивым плачем?

Люйцяо с досадой уставилась на Цинь Цзычу, который упорно не желал содействовать ее замыслам даже в беспомощности. Мысли в ее голове лихорадочно сменяли друг друга, но

дельного решения так и не находилось. От напряжения и духоты на лбу у нее выступил пот.

Стояло начало лета. В запертой комнате быстро становилось душно. Жарко было не только Люйцяо: пока служанка мучительно соображала, что делать, изнывающий в своем коконе Цинь Цычу тоже взмок от пота. Он беспокойно заворочался и вскоре, подобно шелкопряду, нашел лазейку и выбрался из тесных простыней.

Нагота его ровного, белого, как нефрит, торса и длинных стройных ног предстала в полумраке. Тусклый огонек масляной лампы слабо подрагивал, отбрасывая на тело принца теплые янтарные отсветы. Глядя на него, Люйцяо вспыхнула до самых ушей.

Дрожащими руками она торопливо сорвала с себя одежду, намеренно разорвала по швам несколько мест и небрежно бросила лохмотья на пол. Скользнув под бок к Цинь Цычу и прильнув к его горячей груди, она зажмурилась и тихо выдохнула. Сердце ее замирало от стыда и страха, но в то же время неведомое прежде, дурманящее возбуждение захлестнуло ее с головой. Люйцяо невольно обняла принца, ласкаясь всем телом и упрямо пытаясь раздвинуть его бедра своими ногами. Между ног у нее постепенно разлилось томительное, влажное тепло.

Впрочем, Люйцяо была слишком неопытна. Никогда не зная мужчины, она не ведала, что делать дальше, и лишь подчинялась слепому женскому инстинкту — терлась о принца всем телом, тщетно надеясь на ответную ласку.

Цинь Цычу, однако, чувствовал лишь невыносимый жар — и вовсе не от вожделения, а так, словно его в самый знойный день укрыли тяжелым ватным одеялом. Почти неосознанно борясь с духотой, он резко взмахнул рукой, сбросил с себя эту навязчивую «ношу» и оттолкнул ее в сторону. Но поскольку «ноша» продолжала источать жар поблизости, он недовольно нахмурился и несколько раз пихнул ее ногой, отпихивая как можно дальше.

Почувствовав, что источник жара исчез, принц наконец расслабился. Он повернулся на бок, уютно устроился на постели и вскоре заснул крепким, безмятежным сном.

Оказавшись бесцеремонно выставленной на холодный пол без единой нитки на теле, Люйцяо обхватила себя руками за плечи. Лицо ее пылало от унижения и ярости, а в голове шумело от бессильного отчаяния. Взглянув на безмятежно спящего благородного юношу, она не выдержала: слезы хлынули из ее глаз, и она беззвучно зарыдала, пряча лицо в ладонях.

Цинь Цычу ничего этого не ведал. Растянувшись на постели, он продолжал сладко спать.

Предра рассветные сумерки постепенно сменялись утренним светом, а на лице Люйцяо отчаяние уступало место глухой, затаенной обиде. Она смотрела на спящего принца полным ненависти взглядом, до боли вонзая ногти в собственные ладони.

— М-м-м... — Цинь Цзычу со стоном приподнял голову.

Виски нещадно ломило, словно по ним прошло стадо разъяренных слонов. Он потерял лицо от простыню, пытаясь унять дурноту, и с трудом открыл глаза. Но стоило ему увидеть заплаканное, опухшее лицо Люйцяо, как остатки хмельного сна мгновенно улетучились.

Цинь Цзычу резко сел на постели, во все глаза уставившись на служанку. Некоторое время он просто не мог вымолвить ни слова от изумления. С трудом переварив увиденное и совершенно не заботясь о собственной наготе, он сорвал простыню и расстелил ее на полу, лихорадочно выискивая следы.

На белой ткани выделялось яркое багровое пятно — как раз на том уровне, где должна была покоиться его поясница. Дыхание Цинь Цзычу перехватило. В его глазах промелькнуло глубокое, непреодолимое отвращение.

Он прекрасно знал себя: даже мертвецки пьяным он никогда бы не потерял контроль над разумом настолько, чтобы принудить кого-то к близости. Но если на простыне красовалась кровь, значит, пока он лежал без чувств, Люйцяо устроила это гнусное представление.

«Какая мерзость...»

До боли сжав пальцами ткань матраса, он опустил голову. Длинные черные волосы рассыпались по плечам, скрывая его лицо от навязчивого взгляда девицы и даруя ему короткую передышку. Мысли прояснились, но он по-прежнему отказывался верить, что действительно прикоснулся к этой служанке. Глубоко вдохнув, принц стиснул зубы и решил прощупать почву.

С виноватой, мягкой улыбкой на лице он поднял валявшуюся на полу простыню, бережно накиннул ее на плечи Люйцяо и, обняв ее поверх импровизированного кокона, принялся нежно гладить по спине.

— Не бойся... — ласково заговорил он. — Я вчера сильно напугал и обидел тебя, верно? Обещаю, отныне я буду приносить тебе только радость. Ну же, не плачь, твое горе ранит меня прямо в сердце.

Вся ночная обида, злость и страх Люйцяо мгновенно испарились под напором этой неожиданной нежности. Всхлипывая, она подняла голову и встретила с ним взглядом. Не в силах больше сдерживаться, девица крепко обхватила его за талию и, уткнувшись лицом в его грудь, зашлась в рыданиях, словно и впрямь была невинно пострадавшей жертвой ночного насилия.

Цинь Цзычу положил ладонь ей на затылок, позволяя выплакаться на своем плече. Ледяная ярость клокотала в его душе, требуя немедленно отшвырнуть эту лживую, беспринципную тварь прочь, но разум холодно нашептывал: в его нынешнем положении любое неосторожное

движение равносильно гибели. Ошибка будет стоить ему головы. Он слишком слаб, чтобы позволить себе роскошь быть искренним.

Загнав гнев поглубже в сердце, он со всей очевидностью осознал одну простую истину:

«Власть... Единственное, что может защитить меня от этого позора — это абсолютная власть. Только когда я взойду на вершину, когда под моими ногами окажется вся Поднебесная, я смогу заставить каждого заплатить за мои унижения».

— Ну-ну, полно плакать. Дай-ка я посмотрю, сильно ли ты пострадала, — ласковый голос Цинь Цзычу так и сочился фальшивым раскаянием.

От этих слов Люйцяо невольно вспомнила жар чужого тела и ту странную истому, что томила ее ночью. Она судорожно сжала бедра, вновь почувствовав, как внизу становится влажно.

Принц мгновенно уловил это движение. Его взгляд стал острым и темным. Перехватив запястья девицы одной рукой, он без труда повалил ее обратно на ложе.

— Ах! Господин... — вскрикнула Люйцяо, пытаясь сильнее свести колени.

На его губах все еще играла ласковая улыбка, но рука уже жестко развела ее бедра в стороны, и длинные пальцы без тени жалости скользнули в лоно девицы.

— А-а-а! — истошно взвизгнула Люйцяо.

Лицо ее вмиг побелело. Обливаясь слезами, она отчаянно забилась под ним, пытаясь вырваться.

Но стоило пальцам проникнуть глубже, как за теплой влагой он наткнулся на несомненную преграду девственной плевы. Ярость захлестнула его с новой силой. Ее девственность была нетронута. Эта девка держала его за круглого дурака!

Если бы она действительно разделила с ним ложе, он бы, несмотря на злость, смирился с участью, оставил ее при себе и обеспечил безбедное существование. Но она устроила дешевую ловушку, надеясь взять его на пушку!

Не в силах более сдерживаться, Цинь Цзычу резко выдернул руку, брезгливо вытер пальцы о простыню и, наскоро запахнув халат, стремительно направился к двери.

Люйцяо, хоть и была неопытна в любовных делах, сразу сообразила: если мужчина бросает ее в таком бешенстве, ничем хорошим это не кончится. Невзирая на резкую боль внизу живота, она торопливо выползла из постели, кинулась принцу в ноги и мертвой хваткой вцепилась в его

лодыжку. Снова заливаясь слезами, она взмолилась:

— Господин, умоляю, не покидайте меня!

С протяжным, режущим слух скрипом дверь отворилась. Цинь Цзычу оцепенел и судорожно запахнул полы халата, прикрывая наготу.

На пороге стоял Люй Бувэй. Он замер как вкопанный, потрясенный представшей взору картиной.

Сколько бы Люйцяо ни грезил о богатстве, остатки стыда у нее еще сохранились. Вздвизгнув, она судорожно обмоталась простыней и спрятала лицо, не смея поднять глаз.

Опытному торговцу хватило одного взгляда, чтобы в точности восстановить картину утреннего позора. Лицо его потемнело от гнева, сделавшись куда страшнее, чем у самого пострадавшего принца. Он грозно зыркнул на сжавшуюся на полу девицу и рявкнул:

— Люйцяо! Как ты посмела пойти на такую мерзость?! А ну пошла вон отсюда! Убирайся!

Вздрогнув всем телом, служанка даже не посмела пикнуть. Захлебываясь слезами, она поспешно закуталась в простыню и, шатаясь, бросилась вон из комнаты, даже не притронувшись к раскиданным вещам.

Цинь Цзычу смотрел на все это, и в его душе росло чувство глубокой, удушающей горечи.

Почему эта девка без тени сомнения решила обвести вокруг пальца его, принца великого царства, но перед простым купцом дрожала так, что не посмела вымолвить и слова в свое оправдание? Реальность отвесила ему сокрушительную пощечину. Сжав пальцы на воротнике халата, он сгорал от стыда. Ему некуда было деться от собственного бессилия, и уж точно не было причин смотреть на Люй Бувэя свысока.

Люй Бувэй перевел взгляд на Цинь Цзычу. Тот стоял босиком на холодном полу, судорожно стискивая полы одеяния побелевшими пальцами, и сердце купца защемило от щемящей нежности и жалости. Наклонившись, он бережно подобрал разбросанную по полу нательную одежду и брюки. Подойдя к принцу, Люй Бувэй мягко улыбнулся и, опустившись перед ним на одно колено, тихо произнес:

— Бувэй готов помочь господину облачиться.